

Марксизм и проблема деятельности

А. И. Комаров

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

dph2003@yandex.ru

Анализируются взгляды К. Маркса периода формирования его оригинального учения, начала становления материалистической диалектики как метода познания в контексте ключевой для исторического материализма проблемы человеческой деятельности и практики. Показано, что уже в ранних работах Маркс понимает деятельность отлично от его научных предшественников. Практика в работах Маркса рассматривается как субстанция деятельности общественного человека. Показано также место и значение марксистского мировоззрения в современных условиях, предложена интерпретация практики в терминах жизнедеятельности.

Ключевые слова: деятельность; практика; познание; диалектика; саморазвитие; противоречие; жизнь; метод; отчуждение; капитализм; коммунизм; личность.

Marxism and Problem of Activity

A. I. Komarov

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

dph2003@yandex.ru

The author analyzes the views of Karl Marx of the time of the beginning of his original teaching's formation, of the beginning of materialistic dialectics formation as a method of cognition in the context of the problems of human activity and practice, key problem for historical materialism. The author did show that Marx, already in his early works, understands the activity differently from his scientific predecessors. Practice is considered in Marx's works as a substance of a social person's activity. The author has also displayed the place and significance of the Marxist worldview in modern conditions and has offered interpretation of practice in terms of vital activity.

Keywords: activity; practice; cognition; dialectics; self-development; contradiction; life; method; alienation; capitalism; communism; personality.

Признание глобального масштаба кризиса современной цивилизации давно уже стало общим местом в сознании теоретиков. Современная цивилизация, тип культуры являются по преимуществу буржуазными. Всеобщими условиями их существования и воспроизводства является наличие источников

сырья и рынков сбыта. Жесткая борьба за такого рода гарантию пронизывает как новое, так и все новейшее время — XX и уже XXI в. Этот тип жизни, тип отношений господствует в мировом масштабе с эпохи распада Советского Союза и всей социалистической системы. Краткий период политической

и экономической стабилизации, последовавший за этим событием, ознаменовался появлением концепции «конца истории» как триумфа капитализма (Ф. Фукуяма, 1992), но сама же история эти иллюзии и развеяла (даже у самого ее автора).

Современный этап кризисного развития, пронизывая все сферы общественной жизни, все фундаментальные институты общества, приобретает тотальный характер. Кризисы, обнаружившиеся в буржуазной экономике еще в начале XIX в., с XX столетия приобрели общемировой характер, глубина их увеличивается, а периоды относительно стабильного развития стремительно сокращаются. Сфера демографического воспроизводства человечества находится в тупике, кризис проникает в институт семьи, брака, что особенно наглядно проявляется в развитых странах. В сфере политического управления кризисность развития выражается в противоборстве интересов развитых и развивающихся стран, а также в обострении противоречий между странами «первого» мира. Слабеющий гегемон западного мира США стремится навязать свои интересы другим странам, несмотря на их сопротивление, сохранить свое ведущее положение. В процессах глобализации намечаются признаки дифференциации, разделения по «национальным квартирам». Острый кризис переживает сфера культуры, в особенности образование. Предпринимаемые здесь попытки реформирования приносят обратные ожидаемым результаты. Те же признаки тупика обнаруживаются в мировоззренческой сфере; и в религиозном, и особенно в теоретическом сознании остро стоит вопрос «что делать?»¹. Для теоретического сознания ответ на этот вопрос связан с поиском, обнаружением причин кризиса и как следствие — намёткой путей выхода из него.

Основания решения этой задачи теоретическим сознанием невозможно сконструировать без учета результата, достигнутого

великими теоретиками прошлого. Крупнейшей фигурой здесь выступает Карл Маркс. О месте его учения в теоретической деятельности свидетельствуют даже формальные показатели. Так, по результатам опроса «Би-Би-Си» в конце XX в. (1999 г.), К. Маркс признан величайшим мыслителем тысячелетия, а по статистике Библиотеки Конгресса США, его наследию посвящено больше научных исследований, чем наследию других ученых. Кроме того, по данным онлайн-портала *Open Syllabus Project* (<http://explorer.opensyllabusproject.org>), собирающего и анализирующего базы учебных программ университетов англоязычной части западного мира, «Манифест коммунистической партии» занимает 3-е место в списках рекомендованной к изучению литературы, а сам Маркс является самым изучаемым экономистом и социологом.

Поэтому, можно сказать — в мировом масштабе, все чаще теоретическая мысль обращается к наследию Маркса, 200-летие со дня рождения которого человечество (пусть и по-разному) отметило 5 мая. Грандиозные мероприятия (конференции, публикации) были организованы в КНР. Весьма скромно по сравнению даже с западным миром, по вполне понятным причинам, юбилей великого мыслителя был отмечен в нашей стране.

Учение Карла Маркса невозможно игнорировать, пытаюсь теоретически разобраться в хитросплетениях человеческой истории, в понимании сущности человека. В силу этого обстоятельства и противники, и сторонники, и пытающиеся усовершенствовать или развивать марксизм необходимо обращаются к наследию великого мыслителя.

Жан-Поль Сартр в очерке «Проблемы метода» (1957, 1960) и в «Критике диалектического разума» (1 т., 1960), конструируя свой вариант доктрины экзистенциализма, пытаюсь дополнить марксизм идеями психоанализа и современной ему социологии, относительно критиков марксизма заметил: «...“Антимарксистский” аргумент есть лишь очевидное подновление домарксистской

¹ Кризис в науке, особенно в обществознании, наглядно иллюстрируется недоуменным вопросом английской королевы в 2008 г.: почему экономическая наука не смогла спрогнозировать разразившийся кризис?

идеи. Так называемое “преодоление” марксизма в худшем случае может быть лишь возвратом к домарксистскому мышлению, в лучшем случае — открытием мысли, уже содержащейся в той философии, которую мнят преодоленной» [1, с. 12].

Крупный представитель современной западной марксистской мысли Терри Иглтон в изданной в 2011 г. (русский перевод 2012 г.) книге «Почему Маркс был прав» проанализировал и опроверг, опираясь на первоисточник, основные доводы критиков учения Маркса [2].

Идейное богатство марксизма позволяло с самого начала, еще при жизни его родоначальника по-разному истолковывать содержание этого учения. Это происходило и на Западе, и в отечественных условиях. В эпоху революционных преобразований В. И. Ленин сетовал, что большинство «марксистов» Маркса так и не поняли. После Ленина в отечественной советской истории марксизм представлен «официальной» версией его интерпретации и, можно сказать, творческим марксизмом, в рамках которого крупнейшими фигурами представляются М. А. Лифшиц и Э. В. Ильенков.

Совершенно определенный ответ на вопрос о соотношении содержания марксизма и его критики западными теоретиками можно найти у выдающегося представителя отечественной марксистской мысли Эвальда Ильенкова². В своем докладе «Маркс и западный мир», опубликованном на русском языке в издании «Философия и культура» (1991), он пишет: «И если иметь в виду перспективы (а не только сегодняшний день), то все “справедливые” моменты в “западной” критике современного коммунизма

неизбежно направляются не против коммунизма, как тенденции развития и принципа преобразования, а как раз против будущего мира частной собственности, т. е. против его сегодняшних неодолимых тенденций. <...> [Все] более ясно будет обнажаться та истина, что “западная критика коммунизма” является на все сто процентов (поскольку она не демагогична) самокритикой самого Запада, критикой его собственных тенденций, ведущих к усилению и углублению отчуждения, “дегуманизации” и тому подобных феноменов» [3, с. 170].

Что же является теоретической базой и ядром марксистского мировоззрения? По мнению самих авторов учения, таковым выступает материалистическая диалектика или, «с легкой руки Энгельса», исторический материализм. На такой основе, впервые в истории развития теоретического сознания, в учении Маркса выстраивается последовательная монистическая конструкция. Системность как необходимая, атрибутивная черта теории и науки (по Гегелю) впервые находит свое полноценное воплощение. Все предшествующие философские теории, решая вопрос выведения из единого многого, так или иначе несли в себе скрытый дуализм. Материалистам не удавалось рационально дедуцировать из материального идеальное, идеалистам, напротив, из идеи и идеального — материальное, природу. Приходилось вводить дополнительные допущения, не следующие из единого начала, основания. Даже у Гегеля, при всем его стремлении к монизму, переход от идеи, общего к единичному, чувственному, природе носит довольно мистический характер. Путь к построению монистической теории наметила концепция Спинозы. Марксизм в этом смысле завершает линию движения мысли, идущую от Спинозы и Гегеля.

Материалистическое понимание истории предполагает новую интерпретацию практики как субстанции человеческого типа активности, деятельности и опирается на нее в своем развертывании. В составе природы человек является вещью вещей. Все философские школы (как классические,

² В 1965 г. американский университет Нотр-Дам пригласил Эвальда Васильевича выступить на симпозиуме с докладом, посвященным анализу западноевропейских и американских интерпретаций Маркса. Доклад был подготовлен и отправлен организаторам симпозиума. В 1966 г. симпозиум состоялся, но Ильенкова в Америку не пустили. В проспекте симпозиума были сформулированы вопросы к докладчикам, и в частности вопрос «В какой мере западная критика коммунизма, понятая в ее справедливом содержании, оборачивается против самого Запада и его традиций, т. е. имплицитно оказывается самокритикой?»

так и неклассические) специфику человека видят в особенном, предельном типе активности, однако по-разному интерпретируются основания этой активности. Для классической философии таким основанием выступает разум, мышление, познание. Она со времен античности понимает практику как сферу общения людей, отделяя и противопоставляя ее сфере производства, творчества. По Марксу, практика есть *совместная* материальная преобразовательная, целенаправленная деятельность людей, производящая свои собственные условия, т. е. практика в его теории выступает субстанцией деятельности. Сам же человек, соответственно, является существом практическим, преобразующим природу совместно с другими людьми, а потому и — именно в силу этого обстоятельства — разумным.

Как же Маркс пришел к такому пониманию субстанциальной основы человеческого типа жизнедеятельности? Процессу становления марксизма посвящены монбланы литературы. Как известно, в начале своей теоретической карьеры Маркс выступает с позиции буржуазного демократа, с позиции критика коммунистических и социалистических воззрений, стихийно распространяющихся среди трудящихся.

Начальным стимулом формирования собственной системы воззрений, согласно Энгельсу, для Маркса послужила работа в «Новой рейнской газете». Критика дебатов рейнского ландтага обусловила необходимость исследования материальных интересов политических субъектов. Это исследование и привело Маркса к новым, оригинальным построениям: «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем “венцом всего здания”, а, напротив, “гражданское общество”, к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» [4, с. 378—379]. Гражданское общество, сфера, противостоящая государству, — это, по мнению Маркса, прежде

всего экономика. Отсюда идея, что теоретическое исследование истории как процесса развития общества следует начинать с рассмотрения социального фундамента, изучаемого политэкономией.

Следуя диалектической методологии, логично рассмотреть начало, первые шаги, которые делает Маркс, формируя собственную концепцию. Такое начало обнаруживается в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», где намечается переход мыслителя на позиции коммунизма. Рукописи были впервые опубликованы лишь в 1932 г. В рукописях критически анализируются достижения и недостатки предшествующей теоретической мысли, тех идей и теорий, которые в XX в. будут названы «источниками марксизма». Это теории английской классической политэкономии (А. Смит, Д. Рикардо), рассматривающие труд в качестве источника всякого богатства, имплицитно содержащие в себе идею преходящего характера капитализма. Это труды немецкой классической философии. Маркс высоко оценивает совершённые немецкими мыслителями теоретические революции: Гегелем в области логики и диалектики, а Фейербахом в части понимания человека. Антропологический поворот, совершённый Фейербахом, рассматривается им как начало положительной гуманистической и натуралистической критики предшествующей философии. Маркс подвергает критическому разбору коммунистическую и социалистическую мысль: им проанализирована литература (включающая целый пласт произведений социалистов-утопистов), «обнаружившая неразумность не только феодального, но и капиталистического общества» [5, с. 80].

В этих рукописях, Марксом не опубликованных, представлен первоначальный эскиз, набросок выстраиваемой им системы взглядов. Мыслитель вынужден был пользоваться терминологией предшественников, оказавшейся впоследствии для него слишком абстрактной, непригодной для выражения содержания его собственного учения. Публикация рукописей в XX в., как

известно, послужила основой для противопоставления воззрений «молодого» и «зрелого» Маркса некоторыми сторонниками, а также противниками марксизма. Это противопоставление в корне неверно, ибо за терминологическими различиями скрывается содержательное тождество идей создателя исторического материализма.

В рукописях К. Маркса важны характеристики человеческой деятельности, практики. Анализируя феномен отчуждения в буржуазном обществе, Маркс и начинает формировать понятие практики как человеческого способа жизнедеятельности [6, с. 41—74]. Вот основные тезисы, положенные мыслителем в основу этого понятия.

1. Производство есть специфически человеческая, родовая жизнь. Это универсальный тип активности, который реализуется в том, что человек всю природу превращает в свое неорганическое тело. Связь физической и духовной жизни у человека означает связь природы с самой собой, ибо человек есть часть природы. Для человека в производстве сама его жизнедеятельность становится особым предметом. Поэтому его деятельность является свободной. В практической переработке предметного мира человек самоутверждается в качестве родового существа. Производство в условиях свободы от непосредственной физической потребности является его, производства, истинной формой. Человек производит универсально по мерке любого вида, умеет прилагать к предмету его специфическую меру, формируя материю также и по законам красоты. В предметах труда опредмечена родовая жизнь, в предметности человек удваивает себя реально и созерцает себя в созданном им мире.

2. Нельзя «общество» как абстракцию противопоставлять индивиду. Индивид есть общественное существо: всякое проявление его жизни является проявлением и утверждением общественной жизни. Всякий человек как индивидуальность есть и идеальная тотальность, субъективное для-себя-бытие мыслимого и ощущаемого общества. Бытие и мышление находятся в единстве друг с другом.

3. Человеческие чувства и свойства формируются в совместной деятельности. Глаз стал собственно человеческим в той же мере, в какой его объект стал общественным, созданным человеком для человека. Поэтому — в этом способе жизни — чувства в своей практике стали «теоретиками». Они имеют отношение к вещи ради вещи, но сама эта вещь есть предметное человеческое отношение к самой себе и к человеку, и наоборот. Предметная сторона практики выступает основой, порождающей и развивающей богатство человеческой чувственности. Образование человеческой чувственности, включая так называемые духовные чувства (воля, любовь и т. д.), опирается на предметные формы, очеловеченную природу, — они есть следствие накопления опыта всего человечества в течение всей человеческой истории. Предметное бытие, история промышленности представляют собой раскрытую книгу человеческих сущностных сил, чувственно представшей человеческой психологии. В условиях эпохи отчуждения (цивилизации) человеческая родовая деятельность усматривалась и обыденным сознанием, и теоретиками только во всеобщем бытии человека, в религии, или в исторических абстрактно всеобщих формах политики, искусства, литературы и т. д. Но в материальном производстве в условиях цивилизации под видом отчуждения выступают опредмеченные сущностные силы человека.

4. В общественном состоянии разрешенные теоретических противоречий возможно лишь практическим путем, это задача не только познания, она представляет собой действительную жизненную задачу, этого-то и не понимала старая философия.

5. История человека есть часть истории природы, поэтому в будущем естествознание включит в себя науку о человеке, а наука о человеке включит в себя естествознание. Общественная действительность природы и естественная наука о человеке суть синонимы.

6. Частная собственность есть материальное, чувственное проявление отчужденной человеческой жизни. Религия, семья,

государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. — суть лишь особые виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение частной собственности есть положительное устранение всякого отчуждения, есть возвращение человека из религии, семьи, государства и т. п. к своему человеческому, т. е. общественному, бытию.

7. Коммунизм как положительное упразднение частной собственности (самоотчуждения человека) есть присвоение своей сущности человеком, возвращение человека к самому себе как существу общественному. Такой коммунизм как завершённый натурализм тождествен гуманизму, а как завершённый гуманизм — натурализму. В нем находят разрешения противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он — решение загадки истории.

Окончательно контуры своей будущей теории Карл Маркс кратко очерчивает в знаменитых «Тезисах о Фейербахе» (1845 г.). По существу, в тезисах разворачивается марксистское понимание практики [7], понятия, на основе которого будет формироваться грандиозная система марксистского мировоззрения.

К сожалению, многие последователи Маркса, в особенности «официальный» марксизм советских времен, понятие практики так и не освоили, а потому и содержание учения мыслителя интерпретировали в метафизическом духе, разбавив это содержание еще и изрядной долей идей эмпиризма и позитивизма.

Молодой Ильенков в 50-е гг. восстанавливает в правах понимание Марксом практики как целесообразного изменения природы общественным человеком. «Из практики в этом, всеобщем смысле каждый раз начинается как физическая сторона труда, так и деятельность сознания. В этом смысле практика, как единство этих различных моментов, начинает “из себя” и “к себе

возвращается”, т. е. является подлинно всеобщим отношением человека к природе, законом самодвижения человеческого рода, основным существенным законом, по отношению к которому особенные и индивидуальные формы деятельности человека выступают как его производные» [8, с. 182—183].

Специфические содержательные характеристики именно человеческого способа жизнедеятельности, опираясь на наследие К. Маркса, можно, на наш взгляд, интерпретировать и следующим образом, прослеживая обособление активности, самодвижения (субъектности) природы в ее развитии вплоть до личностной ее формы. Человек совместно с другими людьми, занимаясь преобразованием природы, сам поэтому выступает существом природным, телесным, чувственным. Этот факт свидетельствует о том, что и мир как целое есть природа, причем природа самодвижущаяся, саморазвивающаяся. Активность, субъектность природы в процессе ее саморазвития начинает обособляться, проявляться в форме живых вещей, феномена жизни. Активность присуща и неживому, выражаясь в сопротивлении изменениям в ходе взаимодействия с другими явлениями. У живых же активность явлена именно в форме самодвижения, они сохраняют свою целостность за счет взаимодействия с другими явлениями, соответственно, нуждаются в них. Нужда в связи с этим выступает непосредственной причиной, всеобщим условием их движения. Для живых реальность объективно разделилась на внешнюю и внутреннюю. Само движение живых есть связь противоположностей, поскольку несет в себе характеристики и того, и другого, обеспечивает их взаимопревращение, взаимопереход (внешнее становится внутренним, а внутреннее — внешним). Жизнь есть обмен, производные функции живого — рост, размножение — по сути выступают формами выражения обмена. Обмен как тождество противоположностей обнажает свойства, относительно внешнего, самих живых: они нуждаются, они выборочно относятся

к внешнему, к среде обитания, т. е. движутся относительно жизненно важных для себя факторов (того, в чем нуждаются), направляясь «к» либо «от» (в зависимости от значения этих факторов для самосохранения) внешнего. Наукой жизненно важные факторы обозначаются как раздражители, поэтому и интегральное специфическое свойство живых вещей (сущест^в) есть раздражимость. Понятно, что раздражимость является одновременно и движением, и свойством живого, т. е. тождеством противоположностей внешнего и внутреннего.

Животный тип жизни (по сравнению с остальными формами жизни) являет более высокую форму активности. Животные перемещают себя как целостный организм в пространстве, снимая тем самым ограничения растительной жизни. Самодвижение животного типа направляется, помимо нужды (теперь потребности), еще и отсутствием предмета потребности в пределах досягаемости организма или его органов. Непосредственно обмен реализуется только при условии обнаружения нужного за пределами досягаемости органов³. Первая жизненная задача животного заключается в том, чтобы найти, обнаружить нужное в пространстве. Соответственно, в активности животного выделяются поисковая, ориентировочная фаза и фаза направленного движения, которые четко различаются по форме движения (на поисковой фазе — оно разнонаправленное). Смена направления движения в ходе поиска, ориентировки являет собой реакцию на нейтральные факторы среды обитания, но не все их разнообразие, а только на те, которые связаны с жизненно важными. Движение животного имеет внешнюю и внутреннюю части, что особенно наглядно наблюдается у сложных животных, осуществляющих ориентировку за счет движения специфических органов. Реакция на нейтральные факторы как внешняя, наблюдаемая форма движения выражает

способность (свойство) животных, называемую наукой чувствительностью. Задачу ориентировки в пространстве животные разрешают в чувственном, образном плане, в плане психики. Сам этот план выступает необходимым компонентом животного способа жизни, т. е. обмена, и формируется движением организма либо его органов. В данном случае обмен также выступает как разрешение противоречия между внешним и внутренним, а содержанием психики, соответственно, являются характеристики среды обитания. Инстинктивные программы жизнедеятельности животного дополняются прижизненно формируемыми особью программами: всю свою жизнь животные научаются, приобретая опыт. Объективно здесь начинает обнажаться противоречие общего и особенного. Усложнение, развитие форм животной психики венчается у человекообразных интеллектом, т. е. способностью, формируя образ ситуации, связывать разнородное и тем самым выделять в нем сходное, общее. В разрешении этого противоречия рождается абстракция, мышление, интеллект. Ограниченность животного типа жизни заключается в том, что феномен абстракции не закрепляется в предметной форме.

Человеческий способ жизнедеятельности, совместный и предметный, производящий, оказывается предельным типом жизни, в его рамках жизнь делает сама себя своим предметом, в деятельности и через деятельность человека природа относится сама к себе. Это жизнь, порождающая себя, «жизнь жизни», универсальный тип жизни. Производство, выступающее здесь самопроизводством, и есть, по Марксу, специфически человеческая родовая жизнь, человеческая форма обмена, практика, порождающая своим движением многообразие своих собственных форм, т. е. субстанция деятельности. Собственно биологическая сторона обмена здесь опосредуется совместным созданием, производством искусственных органов жизнедеятельности, орудий труда, т. е. небиологической формой обмена веществом и энергией с природой.

³ Это в общем виде. Если животный организм обитает в богатой среде, где необходимое, предмет нужды находится в пределах досягаемости, он будет обходиться растительной активностью, раздражимостью.

Сама активность, деятельность общественного человека опредмечивается в форме таких орудий-органов, становится особенным предметом для человека. Тем же самым, преобразованная природа становится «неорганическим телом» общественного человека, т. е. индивидуальный рост опосредован ростом общего на всех тела. И потому же биологическая функция размножения предваряется воспроизводством себя в предметной форме искусственных органов, орудий жизнедеятельности.

В этом же процессе производства формируется специфически человеческая совместность, и ее принципом становится взаимопомощь. Это также закрепляется в предметной форме, производятся искусственные регуляторы общения — нормы, конкретизирующие принцип взаимопомощи. Искусственными, произведенными оказываются и специализированные средства общения — язык, речь. Любой компонент предметной человеческой активности выступает и в функции знака, необходимо выступая заместителем, представителем какого-либо другого компонента, несет в себе, следовательно, идеальное содержание.

Начальным и конечным пунктом производящего типа жизнедеятельности выступают его участники, отдельные индивиды. Поэтому практика в сути своей выступает процессом производства и развития каждого, индивидуальности, а в пределе — личности.

Предметный, преобразующий, производящий и совместный способ жизнедеятельности, существования обуславливает тот факт, что всё в рамках этого способа является предметным и совместным, единичным, чувственным, но и одновременно общим, нечувственным. Такой способ жизни обнажает, выделяет, разделяет противоположности своей активностью и тем же самым их связывает. Сама деятельность, практика есть явленное противоречие, есть процесс формирования и разрешения противоречий. В рамках практики, понимаемой именно так, любое явление есть единство, тождество естественного и искусственного, единичного и общего, чувственного

и нечувственного, возможности и действительности, сущности и явления, причины и следствия и т. п.

И если, вслед за Гегелем, понимать разум как способность связывать пределы различий, т. е. противоположности, то он, разум, действительно живет не только в языке (как полагали до немецкого философа), а в каждом компоненте человеческой деятельности: в самом процессе преобразования, производства, в предмете деятельности, в ее продукте, а как всеобщая способность реализуется каждым участником такой активности.

Уже в чувственном плане участников такого рода активности формируется образ целого, мира, всей реальности, включающей образ самого деятеля. Отношение к себе как к не себе, как к вещи, как к роду (в силу совместности производства) выступает основой сознания и самосознания, идеального компонента такого типа активности. Производство искусственных органов как условие реализации жизненного процесса предполагает поиск предмета потребности за пределами наличного бытия, мира, т. е. в будущем. Цель, при строгом определении, — это образ того, чего еще нет, но того, что нужно человеку. Тем самым люди «обживают» не только пространство, но и время. Деятельность становится целенаправленной и тем же самым произвольной.

Такой тип жизни выступает развитием развития. Степень развития практики и позволяет найти надежный критерий выделения в истории ее этапов, эпох, общественных формаций. Обращенный на себя, себя развивающий теперь уже в собственной истории с переходом к цивилизации, в ходе разделения труда, он усилиями индивидов, их активностью занялся отработкой своих внутренних моментов, предстающих в особенных видах деятельности, производства. Внутренняя дифференциация форм практики доходит до противоположности физического и умственного труда, или строже (учитывая отнесение Марксом религии и искусства к духовно-практическим видам деятельности) — практики и познания (теории).

В этом процессе происходит обособление индивидов, приобретение ими все большей самостоятельности (специализация по видам деятельности), но вместе с тем формируется и все большая их зависимость от целого. Складывается феномен отчуждения. Предельная, капиталистическая форма отчуждения проявляет сущность самого этого явления и, следовательно, пути его преодоления, ликвидации. Целью истории, развития практики оказывается индивид как личность, как единичное воплощение целого, культуры и поэтому же, в пределе, мира как природы.

Карл Маркс — наш современник. Фундаментальной его заслугой является то, что он «подвел теоретическую черту под всей классовой эрой истории, доказал, что эта эра подошла к своему закономерному и неизбежному финалу...» [9], обосновал необходимость начала перехода к «царству свободы», свободной индивидуальности. История капитализма после Маркса, современный тотальный кризис этого типа жизни подтверждают его теорию. Его учение и содержательно, и методологически не превзойдено до сих пор. Творчество мыслителя имеет непреходящее значение для человечества.

Литература

1. *Сартр Ж.-П.* Проблемы метода. М.: Академический проект, 2008. 222 с.
2. *Иглтон Т.* Почему Маркс был прав / Пер. с англ. П. Норвилло. М.: Карьера Пресс, 2012. 304 с.
3. *Ильенков Э. В.* Философия и культура / Вступ. ст. А. Г. Новохатько. М.: Политиздат, 1991. 464 с. (Мыслители XX века).
4. *Энгельс Ф.* Карл Маркс // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 16. М.: Политиздат, 1960. С. 377—382.
5. *Павлов В. А., Растимешина Т. В.* Критический утопический социализм К. А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна: создание социальной науки // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. № 3 (11). С. 80—91.
6. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41—174.
7. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Сочинения: [в 50 т.] / К. Маркс, Ф. Энгельс. Изд. 2-е. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 1—4.
8. *Ильенков Э. В.* От абстрактного к конкретному: крутой маршрут, 1950—1960. М.: Канон+, 2017. 383 с.

9. *Ильенков Э. В.* К разговору о Марксе // Читая Ильенкова: [Электронный ресурс] / А. Д. Майданский. Обновл.: апрель 2014. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/daik/marx.html> (дата обращения: 25.05.2018).

Поступила 26.05.2018

Комаров Александр Иванович — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), dph2003@yandex.ru

References

1. Sartr Zh.-P. (Sartre J.-P.) Problemy metoda (Problems of Method), M., Akademicheskii proekt, 2008, 222 p.
2. Iglton T. (Eagleton T.) Pochemu Marks byl prav (Why Marx Was Right), Per. s angl. P. Norvillo, M., Kar'era Press, 2012, 304 p.
3. Il'enkov E. V. Filosofiya i kul'tura (Philosophy and Culture), Vstup. st. A. G. Novokhat'ko, M., Politizdat, 1991, 464 p., Mysliteli XX veka.
4. Engels F. Karl Marks (Karl Marx), *Sochineniya*, v 50 t., by K. Marks (K. Marx), F. Engels, Izd. 2-e., T. 16, M., Politizdat, 1960, pp. 377—382.
5. Pavlov V. A., Rastimeshina T. V. Kriticheskii utopicheskii sotsializm K. A. Sen-Simona, Sh. Fur'e, R. Oue-na: sozdanie sotsial'noi nauki (Critical-Utopian Socialism of C. H. Saint-Simon, Ch. Fourier, and R. Owen: Social Science Creation), *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumantarnye issledovaniya*, 2016, No. 3 (11), pp. 80—91.
6. Marks K. (Marx K.) Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 g. (Economic and Philosophic Manuscripts of 1844), *Sochineniya*, v 50 t., by K. Marks (K. Marx), F. Engels, Izd. 2-e., T. 42, M., Politizdat, 1974, pp. 41—174.
7. Marks K. (Marx K.) Tezisy o Feuerbakhe (Theses on Feuerbach), *Sochineniya*, v 50 t., by K. Marks (K. Marx), F. Engels, Izd. 2-e., T. 3, M., Gospolitizdat, 1955, pp. 1—4.
8. Il'enkov E. V. Ot abstraktnogo k konkretnomu: krutoi marshrut, 1950—1960 (From the Abstract to the Concrete: Steep Way, 1950 to 1960), M., Kanon+, 2017, 383 p.
9. Il'enkov E. V. "K razgovoru o Markse" (To the Talking of Marx). *Chitaya Il'enkova*. A. D. Maidanskii, upd.: Apr. 2014. Web. 25 May 2018. <<http://caute.ru/ilyenkov/texts/daik/marx.html>>.

Submitted 26.05.2018

Komarov Aleksandr I., Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, associate professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), dph2003@yandex.ru